

Письма к М. А. Волошину

Публикация В. П. Купченко

Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дом на 1975 год

Л., "Наука", 1977

[OCR Бычков М.Н.](#)

"Волошин сразу оценил и полюбил поэзию молоденькой Марины Цветаевой, пригласил ее", -- писал Илья Эренбург.¹ Действительно, отзыв Максимилиана Александровича о сборнике начинающей поэтессы был не только первым, но и самым доброжелательным. Для обостренно самолюбивой Цветаевой такое ободрение было крайне важно. "М. Волошину я обязана первым самосознанием себя как поэта", -- отмечала она в 1932 г.²

Большую роль в жизни М. И. Цветаевой (1892--1941) сыграла и дружба с Волошиным. "Макс в жизни женщин и поэтов был providentiel...³ -- писала она. -- Когда женщина оказывалась поэтом, или, что вернее, поэт -- женщиной, его дружбе, бережности, терпению, вниманию, поклонению и сотворчеству не было конца".⁴

Не избалованная человеческой теплотой, благодарная за каждое ее проявление, Цветаева пронесла глубокое уважение и дружеское чувство к Волошину через всю жизнь, воздав должное его памяти в очерке "История одного посвящения",⁵ в стихотворном цикле "Ici haut"⁶ и, наконец, в блестящих по глубине проникновения воспоминаниях "Живое о живом",⁷ несомненно лучших из всего написанного о Волошине. В этих произведениях Цветаева сама перечислила "дары", которые получила от своего старшего друга.

Первым -- главным -- из этих "даров" было доверие к людям. "Максу я обязана крепостью и открытостью моего рукопожатия и с ними пришедшему доверию к людям. Жила бы как прежде -- не доверяла бы, как прежде; может быть, лучше было бы -- но хуже".⁸ Волошину Цветаева обязана также целым рядом друзей. Она писала об этом его призвании "сводить людей, творить встречи и судьбы": "К его собственному определению себя как корабельника идей могу прибавить и корабельника друзей".⁹ В Коктебеле, "у Макса", Цветаева познакомилась с Сергеем Яковлевичем Эфроном (1893--1941), своим будущим мужем. Объектом своеобразного преклонения стала для нее мать Волошина, Елена Оттобальдовна (1850--1923), женщина, по ее словам, "человеческой и всякой исключительности, самоценности, неповторимости".¹⁰ Таким же событием, "как Макс", оказалась в жизни Цветаевой встреча с поэтессой Аделаидой Герцык.¹¹ В Коктебеле под эгидой "Макса" Цветаева познакомилась с А. Н. Толстым, там же началась, по сообщению А. С. Эфрон, ее дружба с Н. В. Крандиевской и состоялась ее первая встреча с О. Мандельштамом. Возможно, именно Волошин "свел" Цветаеву с К. Бальмонтом, своим давним другом; при его посредстве познакомился с ней и И. Эренбург.

Сам Коктебель, обетованная земля для многих поэтов, был еще одним бесценным "даром" Волошина. 30 августа 1921 г. Цветаева пишет его матери: "Коктебель 1911 г. -- счастливейший год моей жизни, никаким российским заревам не затмить того сияния". "Одно из лучших мест на земле", -- определяет она это выжженное, дикое побережье в 1931 г.¹² И где-то в конце тридцатых годов, уже "подводя итоги", поставит Коктебель в ряд с лучшими воспоминаниями жизни: "Таруса... Коктебель да чешские деревни -- вот места моей души".¹³

У зрелой Цветаевой обнаруживается много общего с Волошиным: детскость, отталкивание от мира "взрослых", простота и неприхотливость в быту, неприязнь к "учительству" и к политике, "внецерковность", жесткая требовательность к себе. Общими были у них и непреклонная верность своим убеждениям и беспредельная любовь к поэзии.

Коктебельское лето 1911 г. было для Цветаевой неповторимым, но не единственным. В уже цитировавшемся письме к А. Тесковой она говорила, что обязана Волошину "целым рядом блаженных лет (от лето) в его прекрасном суровом Коктебеле".¹⁴

Но первое знакомство их состоялось в Москве, в самом конце 1910 г. 1 декабря Цветаева дарит Волошину свой первый стихотворный сборник "Вечерний альбом"; 22 декабря датировано обращенное к